

А. В. Виноградов

**Государев двор и приказная бюрократия
царя Михаила Федоровича в дипломатических
«ссылках» с Крымом в 1613–1619 гг.**

Лица из состава Государева двора традиционно играли заметную роль в дипломатических связях Российского государства с Крымским ханством. Это касалось как назначения посланниками в Крым и «разменными» послами при проведении посольских съездов и разменов, так и участия в деловой и церемониальной частях приема крымских гонцов и послов в Москве. Хотя при Иване Грозном большую часть переговоров с крымскими дипломатами проводил посольский дьяк, к ним привлекался и казначей, что отражало специфику отношений с Крымом, выражавшуюся в постоянном отправлении туда выплат в виде «поминок», «запросов», и «жалования». В последние годы правления Грозного определенное влияние на осуществление «ссылок» с Крымом имел Афанасий Федорович Нагой, вернувшийся оттуда в ноябре 1573 г. после десятилетнего пребывания в Бахчисарае в качестве посла. Однако с ним как с влиятельной фигурой в составе Государева двора было покончено после событий 1584 г. В дальнейшем контроль над «крымским направлением» внешней политики Российского государства, как и над всей внешнеполитической линией Москвы, перешел к Борису Федоровичу Годунову. После занятия престола он по-прежнему лично контролировал все «ссылки» с Крымом.

Выделить из состава двора Бориса Годунова тех, кому он «переверял» контроль над крымским направлением, затруднительно. Уже после начала Смуты к переговорам с крымским гонцом Джан Ахмедом Челеби 17 марта 1605 г. привлекли боярина Степана

Михайловича Годунова¹. Этот царский родственник в период всего правления Бориса Годунова традиционно привлекался им к переговорам с иностранными посольствами. В марте 1605 г. он в составе ответной комиссии думных чинов принимал участие в переговорах с английским послом Т. Смитом². Степан Годунов, несомненно, пользовался доверием троюродного брата, но мы не имеем сведений об уровне его компетентности в крымских делах. С момента пожалования Степана Годунова в 1584 г. боярским чином он только один раз упомянут в источниках в связи с крымскими делами (участвовал в феврале 1589 г. в церемониальной части приема царем Федором Ивановичем «царевича» Мурад-Гирея)³. Вместе со Степаном Годуновым в переговорах с Джан Ахмед Челеби участвовал боярин Семен Никитич Годунов. Пожалованный боярским чином в 1602 г., он также привлекался царем Борисом к дипломатическим переговорам с прибывавшими в Москву иностранными посольствами, однако о более раннем его участии в «ссылках» с Крымом свидетельств нет. Можно предположить, что оба Годунова в тяжелом для царя Бориса Федоровича 1605 г. были единственными лицами, обладавшими дипломатическим опытом и пользовавшимися его доверием в качестве родственников. Заметного следа в переговорах с крымским дипломатом они не оставили.

При Лжедмитрии I в источниках зафиксировано частичное привлечение к крымским делам лиц из состава его двора, в частности, бывшего посольского дьяка Василия Яковлевича Щелкалова, в чине казначея 21 июля 1605 г. произнесшего речь от имени государя на аудиенции крымских гонцов во главе с Джан Ахмедом Челеби и вручившего прибывшим «жалование»⁴. Упоминания других «сенаторов» Лжедмитрия, как, например, боярина кн. Бориса Петровича Татеева, которому в феврале 1606 г. поручили дать указание об отправлении «жалованья» отбывающим крымским гонцам⁵, являются эпизодическими.

¹ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1604 г. Д. 2. Л. 154; Акты времени Лжедмитрия I-го (1603–1606 гг.) / под ред. Н. В. Рождественского. М., 1918. С. 183. (Смутное время Московского государства, 1604–1613 гг. ...; вып. 1).

² Посольская книга по связям России с Англией, 1614–1617 гг. / сост. Д. В. Лисейцев. М., 2006. С. 88.

³ Разрядная книга 1475–1605 гг. / сост. Л. Ф. Кузьмина. М., 1987. Т. 3, ч. 2. С. 127.

⁴ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1604 г. Д. 2. Л. 178; Акты времени Лжедмитрия I-го ... С. 188.

⁵ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1606 г. Д. 1. Л. 3; Акты времени Лжедмитрия I-го ... С. 246.

В правление царя Василия Ивановича Шуйского лица из состава Государева двора, задействованные в «ссылках» с Крымом, упоминаются в источниках в связи с исключительными обстоятельствами. Переговоры с командирами крымских войск, находившихся в качестве союзников на территории России в июле 1609 г., вели бояре и воеводы кн. Иван Михайлович Воротынский, кн. Борис Михайлович Лыков и окольный Артемий Васильевич Измайлов⁶. Информировать крымское командование о прибытии послов поручили бывшему посланнику в Крыму московскому дворянину кн. Григорию Константиновичу Волконскому. Непосредственное участие Волконского в переговорах является, тем не менее, спорным, хотя при крымском командовании находился его конфидент по проведению посольского съезда и переговоров в Крыму в 1602 г. бек Ахмед-паша Яшлавский («князь Сулешев»). Выбор указанных лиц для переговоров с крымцами царем Василием Шуйским определялся, вероятно, их личной преданностью. Никакими дипломатическими способностями князя И. М. Воротынский и Б. М. Лыков не обладали, о чем свидетельствует, в частности, принятие ими немислимых требований о выплатах в Крым за оказание военной помощи. Отмечу, что в дальнейшем кн. И. М. Воротынский не лучшим образом проявил себя во время посольского съезда с польско-литовскими послами под Смоленском в ноябре-декабре 1615 г., где он был главой русского посольства.

Выделить среди «думных и комнатных людей» царя Михаила Федоровича в начальный период его правления (до возвращения из польско-литовского плена патриарха Филарета) лицо или группу лиц, имевших особые полномочия в контроле над «крымским направлением» внешней политики, не представляется возможным (за исключением пожалованного думным чином 13 июня 1613 г. посольского дьяка Петра Алексеевича Третьякова). И это при том, что благодаря лучшей по сравнению с предыдущим периодом сохранности материалов русско-крымских связей, мы с 1613 г. имеем возможность рассмотреть участие представителей всех категорий Государева двора в «ссылках» с Крымом.

⁶ Белокуров С. А. Разрядные записи за Смутное время (7113–7121 гг.). М., 1907. С. 98–99.

Бояре. Из числа бояр к «ссылкам» с Крымом имел отношение кн. Афанасий Васильевич Лобанов-Ростовский. 5 марта 1618 г. он как глава Стрелецкого приказа получил память от имени государя о снаряжении провожатых посольству С. Л. Хрущева и С. Бредихина⁷. В тот же день ему дали память об отправлении указных грамот воеводам украинских городов о выделении провожатых указанному посольству⁸.

Окольничие. После водворения на российском престоле нового монарха по сложившемуся в течение XVI в. «посольскому обычаю» дипломатические связи между Российским государством и Крымским ханством должны были «переформатироваться» (как и после смены хана на бахчисарайском престоле). После перерыва в «ссылках», вызванного внутривосточными катаклизмами в обеих государствах, при их восстановлении предполагалось проведение посольского съезда и размена посольств. На посольском съезде проходили переговоры с целью снятия взаимных претензий и определения размеров выплат в Крым, а затем заключали предварительное соглашение «разменными» послами от лица монархов. Эта традиция оправдала себя в 1598–1602 гг. после вторичного водворения на бахчисарайском престоле хана Гази-Гирея II и воцарения Бориса Федоровича Годунова. Летом 1609 г. ее пытались реализовать правительством царя Василия Шуйского, но в условиях структурного кризиса российской государственности желаемых результатов достичь не удалось, что показали события лета 1610 г., когда крымские силы не оказали сколь либо существенной поддержки в борьбе с Лжедмитрием II⁹.

Традиции русско-крымских дипломатических «ссылок» предполагали назначение первым «разменным послом» лица из состава Государева двора высокого ранга. При последнем до начала Смуты посольском съезде и размене посольств под Царевым-Борисовым в 1602 г. первым «разменным» послом был окольник И. И. Бутурлин. С крымской стороны «разменными» послами выступали только представители клана Яшлавских («князей Сулеше-

⁷ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1618 г. Д. 2. Л. 5–7.

⁸ Там же. Л. 11–12.

⁹ Лисейцев Д. В. Русско-крымские дипломатические контакты в начале XVII столетия // Тюркологический сборник. 2005. Тюркские народы России и Великой степи. М., 2006. С. 270.

вых») — «ближние царевы люди», с начала XVI в. постоянно входившие в состав ханского дивана, что являлось главной прерогативой их «амиатства» в отношениях с Российским государством. При восстановлении русско-крымских дипломатических «ссылок» в 1613 г. эту привилегию Яшлавских подтвердил хан Джанибек-Гирей. «Разменным» послом он назначил бека Ахмед-пашу Яшлавского, проводившего посольские съезды в ноябре 1593 г. под Ливнами, в мае 1602 г. под Царевым-Борисовым и в июле 1609 г. на реке Оке. На этих съездах Ахмед-паша вел переговоры с цветом Государева двора нескольких московских царей. С русской стороны первым «разменным» послом для проведения посольского съезда и размена, договоренности о которых окончательно достигли к лету 1614 г., назначили окольного кн. Григория Петровича Ромодановского¹⁰.

Емкую характеристику этому видному деятелю Смуты дал Ю. М. Эскин: «Г. П. Ромодановский считается участником заговора против Лжедмитрия I, в дальнейшем держится Шуйского (кроме недолгого плена у тушинцев) и Владислава; в осажденном I и II Ополчениями Кремле ведает вместе с П. Н. Шереметевым Казенным приказом»¹¹. Сигизмунд III пожаловал Ромодановского боярским чином. После освобождения Москвы позиции кн. Ромодановского, как и большинства других деятелей правительства «Семибоярщины», были подорваны. С воцарением Михаила Федоровича его понизили из бояр в окольные¹². Дипломатическими навыками Григорий Петрович при всем своем богатом военном и административном опыте не обладал, но с новым назначением связывал большие надежды. Сопровождаемый же Ромодановским к месту размена под Ливнами посланник в Крым кн. Г. К. Волконский являлся опытным дипломатом. Его назначение, несомненно, объяснялось его успешной миссией в Крым в 1601–1602 гг. Отношения между двумя главными послами были сложными. Осенью 1605 г. между ними произошел

¹⁰ ДР. СПб., 1850. Т. 1. Стб. 142. — Ромодановскому придавались в качестве «разменных» послов кн. Афанасий Федорович Гагарин и подьячий Семен Самсонов.

¹¹ Эскин Ю. М. Местнические конфликты в эпохи войн и смут конца XV–XVII веков: местничество в пространстве социально-политических отношений и на театрах военных действий в России раннего Нового времени. М., 2020. С. 100.

¹² В Земляном боярском списке 1613 г. он первый при перечислении окольных (ЧОИДР. М., 1895. Кн. 1. С. 3 (Отд. 1)).

местнический спор, обстоятельства которого, по мнению Ю. М. Эскина, не ясны¹³, причем исследователь полагает, что «политическое лицо у обоих выражено неярко»¹⁴. К 1615 г. как Волконский, так и Ромодановский, судя по всему, не пользовались расположением царя Михаила Федоровича.

Во время посольского съезда и размена под Ливнами 5–7 августа 1614 г. Волконский и Ромодановский действовали слаженно, однако между ними, несомненно, имелись противоречия. Волконский, знавший крымские реалии, старался не допустить конфликта Ромодановского с таким же амбициозным и честолюбивым крымским «разменным» послом беком Ахмед-пашой. Открытого столкновения между ними стараниями Волконского удалось избежать, но в статейном списке Ромодановский с нескрываемой злобой описывал материальные претензии Ахмед-паши¹⁵. Негативное отношение Григория Петровича ко всему роду Яшлавских-Сулешевых не прошло незамеченным для руководства Посольского приказа и наверняка стало известно царю Михаилу и его ближайшему окружению. Не случайно, что после возвращения послов в Москву Ромодановского к церемониальной части приема крымских дипломатических представителей допустили лишь частично (участие в таких приемах было традиционным для лиц из состава Государева двора, задействованных в «ссылках» с Крымом). 31 октября 1614 г. на аудиенции у государя он встречал доставленных им же в Москву крымских послов во главе с Мустофой-мурзой¹⁶, а в августе 1615 г. — послов во главе с Белек-уланом и гонцов во главе с Исмаил-агой¹⁷. Однако от участия в приеме гонцов во главе с Усейном-имелдешем, посланных Ахмед-пашой с посольского размена из-под Валуек (18 августа 1615 г.), и в повторной аудиенции посла Булат-улана (19 августа того же года) Ромодановского отстранили. В дальнейшем в приемах крымских дипломатов он не участвовал и к дипломатическим делам более не привлекался. 25 декабря 1615 г.

¹³ Эскин Ю. М. Местнические конфликты ... С. 100.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.; Л., 1948. С. 83.

¹⁶ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1614 г. Д. 5. Л. 111.

¹⁷ Там же. 1615 г. Д. 7. Л. 3.

Ромодановского пожаловали боярским чином¹⁸, и он продолжил успешную административную карьеру, сосредоточив в своих руках руководство важными приказами¹⁹. Неприязнь к Яшлавским-Сулешевым он перенес и на их московских родственников князей Юрия и Василия Яншеевичей Сулешевых — родных племянников Ахмед-паши, что через несколько лет вылилось в крупный местнический спор²⁰.

Итак, кн. Г. П. Ромодановский благодаря своему назначению «разменным» послом на посольский съезд и размен под Ливнами упрочил свои позиции в составе Государева двора, но в дальнейшем к осуществлению дипломатических контактов с Крымским ханством не привлекался. Совершенно иной в «ссылках» с Крымом в первые годы правления царя Михаила Федоровича оказалась роль его коллеги по дипломатической миссии 1614 г. кн. Г. К. Волконского. Григорий Константинович отметился при царе Борисе Годунове именно на дипломатическом поприще, исполнив успешное посольство в Крым. Его назначение посланником связано, вероятно, с успешной службой белгородским воеводой. Посольство кн. Волконского и дьяка М. Огаркова отправили в июле 1601 г.²¹ Предполагалось, что посольский съезд и размен пройдут под Ливнами, однако в связи с очередным династическим кризисом в Крыму крымское посольство задерживалось. После длительного пребывания у Ливен посольство вместе с «разменными послами», во главе которых находился окольный И. М. Бутурлин (бывший ранее ливенским воеводой), в октябре 1601 г. отправилось к Цареву-Борисову. Там послы провели зиму в ожидании развития ситуации в Крыму, прояснившейся только к весне 1602 г.²² С 1 по 5 мая 1602 г. под Царевым-Борисовым провели посольский съезд и размен, в которых Волконский вместе с Бутурлиным принимал активное

¹⁸ ДР. Т. 1. Стб. 208.

¹⁹ Павлов А. П. Думные и комнатные люди царя Михаила Романова: просопографическое исследование. СПб., 2018. Т. 1. С. 198–199.

²⁰ ДР. Т. 1. Стб. 478.

²¹ Новый летописец // ПСРЛ. СПб., 1910. Т. 14, пол. 1. С. 56.

²² Виноградов А. В. Посольский съезд и размен под Ливнами и Царевым-Борисовым 1601–1602 гг. // Тульский кремль и южные рубежи России : материалы Всероссийской научной конференции. М., 2020. С. 36–38.

участие²³. Пребывание русского посольства в Крыму ознаменовалось заключением русско-крымского договора, закрепленного приведением к шерти хана Гази-Гирея II в июне 1602 г.²⁴ В период нахождения в Крыму кн. Григорий Константинович установил личные отношения с видными представителями местной политической элиты, в первую очередь с московским «амиатом» беком Ахмед-пашой Яшлавским («князем Сулешевым»), с которым ему пришлось иметь дело и в дальнейшем.

Успех посольства, однако, не повлек за собой карьерного роста Волконского. Всю Смуту он провел в чине дворянина по московскому списку²⁵. В правление царя Василия Шуйского Григорий Константинович участвовал в военных действиях практически на всех фронтах. Хотя он, по мнению Ю. М. Эскина, и входил в группу воевод, пользовавшихся наибольшим доверием Шуйского, сильных позиций в составе Государева двора не занимал. Эскин также отметил, что ряд назначений Волконского на воеводские должности сопровождался местническими спорами²⁶. Гораздо успешнее складывались дела у кн. Волконского на дипломатическом поприще. Прежде всего, речь идет о его посольстве в Речь Посполитую — первой дипломатической миссии, отправленной туда царем Василием IV²⁷. Назначение Волконского в «литовскую посылку», возможно, объясняется тем, что в мае 1606 г. его определили приставом к польско-литовским послам Н. Олесницкому и А. Госевскому по их прибытии в Москву²⁸. В этом качестве он присутствовал на приснопамятном свадебном пиру Самозванца 8 мая 1606 г., где сидел как пристав за одним столом с Госевским²⁹. Посольство Волконского и Иванова отправилось в первой половине июня 1606 г.,

²³ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1601 г. Д. 2. Л. 129–168 ; Виноградов А. В. Посольский съезд ... С. 38–42.

²⁴ Там же. С. 42.

²⁵ В Боярском списке 1606–1607 гг. в перечне дворян числится с пометой «Нетъ», что объясняется его отсутствием в связи с посольством в Речь Посполитую (Станиславский А. Л. Труды по истории Государева двора в России XVI–XVII веков. М., 2004. С. 301). В Боярском списке 1610–1611 гг. в перечне дворян числится без помет (Лихачев Н. П. Боярский список 1611 года. СПб., 1895. С. 17).

²⁶ Эскин Ю. М. Местнические конфликты ... С. 109–110, 115–116.

²⁷ Белокуров С. А. Разрядные записи за Смутное время ... С. 8.

²⁸ Там же. С. 7.

²⁹ Там же. С. 81.

а вернулось назад в феврале 1607 г.³⁰ В труднейшей обстановке, сложившейся после московских событий мая 1606 г., Волконскому удалось достигнуть максимальных результатов — отказа от прямой конфронтации и возобновления дипломатических «ссылок». Тем не менее, других назначений в дипломатические миссии Григорий Константинович не получал, хотя его опыт и был частично использован позднее правительством Василия Шуйского на крымском направлении.

В июле 1609 г. Волконского послали за Оку к крымским войскам, возглавляемым беком Богатыр-Гиреем Дивеевым, с «дары и речью»: уведомить о прибытии послов во главе с кн. И. М. Воротынским. Поручение было успешно исполнено. В июле того же года кн. Григорию Константиновичу предстояло возглавить отряд «провожатых» послов — кн. И. М. Воротынского, кн. Б. М. Лыкова и А. В. Измайлова, посланных для переговоров с командующим крымскими войсками беком Богатыр-Гиреем Дивеевым. Назначение отменили из-за местничества Волконского с А. В. Измайловым³¹. В последовавших летом 1610 г. «ссылках» с командованием крымских войск Волконский принимать участия не мог, так как занимался подготовкой похода на Псков, отмененного вскоре правительством «Семибоярщины». После избрания царем Михаила Федоровича кн. Григорий Константинович получил назначение воеводой в Каширу, откуда его отозвали для нового назначения в дипломатическую миссию — посланником в Крым³².

Посольство Волконского и дьяка П. Овдокимова находилось в Крыму с сентября 1614 г. по июнь 1615 г., став важной вехой в истории русско-крымских отношений на завершающем этапе Смуты. В ходе этой миссии кн. Григорий Константинович подтвердил свою репутацию искусного дипломата³³. Во время посольского

³⁰ *Бантыш-Каменский Н. Н.* Переписка между Россиею и Польшею по 1700 год. М., 1862. Ч. 2 : 1584–1612. С. 83 ; *Лисейцев Д. В.* Посольский приказ в эпоху Смуты. М., 2003. [Ч. 2]. С. 329, 330.

³¹ *Белокуров С. А.* Разрядные записи за Смутное время ... С. 98–99 ; *Эскин Ю. М.* Местничество в России XVI–XVII вв. : хронологический реестр. М., 1994. С. 135. ДР. Т. 1. Стб. 145.

³³ *Виноградов А. В.* Посольство князя Григория Константиновича Волконского в Крым 1614–1615 годов // *Вестник Волгоградского государственного университета.* Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т. 24, № 2. С. 167–171.

съезда под Ливнами он активно участвовал в переговорах с крымским «разменным послом» Ахмед-пашой Яшлавским, своим давним партнером по переговорам во время своего первого посольства в Крым (Волконский добился приведения к шерти главы клана Яшлавских при заключении предварительного договора). В Крыму кн. Григорий Константинович 11 сентября 1614 г. привел к шерти хана Джанибек-Гирея, став первым в XVII столетии русским дипломатом, добившимся шерти двух крымских ханов. И хотя Волконскому и Овдокимову не удалось добиться полного соответствия текста договора, на котором приносил шерть хан, изготовленному в Москве русскому противню, основным результатом посольства стало заключение союза Российского государства и Крымского ханства против Речи Посполитой. При отпуске посольства Волконского и Овдокимова возникли сложности: крымская сторона потребовала проведения не просто посольского размена, а съезда и размена с выплатой «разменного жалования» крымским «разменным» послам во главе с Ахмед-пашой. Москва не готова была к увеличению выплат, и Волконский, следуя инструкциям, крымские требования отверг, что едва не сорвало его отпуск из Крыма. В результате при проведении посольского размена под Валуями кн. Григорию Константиновичу пришлось играть роль «разменного» посла. 6 июля 1615 г. он вместе с Овдокимовым участвовал в переговорах новых русских посланников И. Спешнева и Б. Нестерова с Ахмед-пашой за рекой Валуей в шатре «на крымской стороне». При этом Волконский встречал Спешнева и Нестерова у шатра, где их ждал Ахмед-паша, после чего отпускаемые послы перешли реку и отправились в Валуйки³⁴.

Успехи кн. Григория Константиновича на этот раз оценили по достоинству, и 1 сентября 1615 г. его пожаловали в окольничие. А. П. Павлов отметил, что Волконский стал первым представителем своего рода, попавшим в Думу³⁵. После возвращения из успешного посольства в Крым его роль в церемониальной части приема иностранных дипломатов усилилась. Задействовали его и в аудиенциях крымским послам у государя. В начале июля 1616 г. Волконский

³⁴ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1616 г. Д. 3. Л. 24–25.

³⁵ Павлов А. П. Думные и комнатные люди царя Михаила Романова ... Т. 1. С. 196.

являл послов во главе с Магмет-агой³⁶, 24 февраля 1618 г. — во главе с Шибан-агой и гонцов во главе с Рамазан Мустафой³⁷. Однако участие кн. Григория Константиновича в деловой части приема крымских дипломатических представителей фиксируется только на исходе Смуты. В изменившихся после заключения Деулинского перемирия «ссылках» Москвы с Крымом его уникальный дипломатический опыт оказался особенно востребованным. В 1617–1618 гг. Волконский принял активное участие в военных действиях против Речи Посполитой и запорожского войска гетмана П. Сагайдачного. В июле 1618 г. он вместе с кн. Д. М. Пожарским находился на воеводстве в Боровске³⁸, затем действовал в Коломне против войск Сагайдачного, а осенью того же года был воеводой в осаде на Москве. По росписи 9 сентября 1618 г. Волконский вместе с боярином кн. Д. И. Мезецким ведал район «от Тверских ворот и до Трубы и Сретинских ворот»³⁹. Несмотря на прорыв через Оку к Москве войска Сагайдачного действия Волконского во время кампании 1618 г. в «Новом летописце» оцениваются положительно⁴⁰.

Весной 1619 г. кн. Григорий Константинович вновь выступил на дипломатическом поприще, участвуя в деловой и церемониальной частях приема крымских гонцов и послов. 20 марта он являл крымских гонцов и послов во главе с Мустафой-мурзой на аудиенции у государя, а также являл крымские «поминки»⁴¹. После аудиенции вместе с посольским дьяком С. Романчуковым он вел переговоры с крымскими послами⁴². 22 апреля состоялись новые переговоры с крымскими послами (в них также участвовал Романчуков)⁴³. Участие лица из состава Государева двора в переговорах с крымскими дипломатами в Посольском приказе (наряду с посольским дьяком) стало принципиально новым явлением в возобновившихся в 1613 г. русско-крымских дипломатических «ссылках» и объяснялось

³⁶ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1616 г. Д. 4. Л. 2.

³⁷ Там же. 1617 г. Д. 7. Л. 64.

³⁸ Книги разрядные, по официальным оных спискам изданные с высочайшего соизволения II-м Отделением Собственной е. и. в. канцелярии. СПб., 1853. Т. 1. Стб. 502.

³⁹ ДР. Т. 1. Стб. 363.

⁴⁰ Новый летописец. С. 145.

⁴¹ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1618 г. Д. 5. Л. 11, 13.

⁴² Там же. Л. 40–43.

⁴³ Там же. Л. 45–57.

исключительной компетенцией кн. Григория Константиновича. Как установил Д. В. Лисейцев, все переговоры с крымцами начиная с 1613 г. вел единолично посольский дьяк П. Третьяков (позднее при участии своего фактического преемника Романчукова)⁴⁴.

Переговоры с крымцами Волконского и Романчукова шли исключительно напряженно. Крымские послы во главе с Мустафой-мурзой прибыли в Москву в начале 1619 г. после срыва посольского размена, в условиях вторжения запорожцев гетмана Сагайдачного и гибели в Ельце направлявшегося на посольский размен посольства С. Л. Хрущева и С. Бредихина. При погроме посольства была утрачена вся «государева посылка» (казна), которую послы везли в Крым. Тем не менее крымские послы, прекрасно осведомленные об этих событиях, потребовали возобновления выплат в Крым в прежнем объеме (еще в 1614 г. Волконский во время посольства в Крым признал сумму в 10 тыс. руб. «запросных денег» при каждом посольском размене). Кроме того, крымцы были недовольны перемирием с Речью Посполитой, шедшим по их мнению вразрез с условиями заключенного Волконским в 1614 г. договора. Кн. Григорий Константинович жестко отмел крымские требования, указав, что выплата денег в размере суммы, отправленной с посольством Хрущева и Бредихина, в настоящий момент невозможна.

Между тем в Крыму оставался посол А. И. Лодыженский, и его отпуск крымские дипломаты обуславливали проведением нового посольского размена с выплатами «государевой посылки» в требуемом ими объеме. 30 июля 1619 г. переговоры с послом Мустафой-мурзой возобновились. К этому времени с очередными требованиями присылки «казны» прибыли крымские гонцы Резеп-мурза и Ибрагим-мурза. На сей раз Волконский в переговорах не участвовал. Их единолично вел И. Т. Грамотин, вновь назначенный думным посольским дьяком⁴⁵. Однако кн. Григорий Константинович по-прежнему играл ведущую роль в церемониальной части приема крымских гонцов и послов. На состоявшейся 30 июля 1619 г. аудиенции он являл государю крымских дипломатов, а также привезенные ими крымские «поминки»⁴⁶. Стороны не пришли к согласию, и переговоры прервались.

⁴⁴ Лисейцев Д. В. Посольский приказ в эпоху Смуты. [Ч. 1]. С. 117.

⁴⁵ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1619 г. Д. 3. Л. 25–28.

⁴⁶ Там же. Л. 30, 32.

Возобновились они только 3 октября 1619 г. в связи с приездом очередных крымских гонцов во главе с Сеиф Уллою, причем на этот раз Грамотин в них не участвовал. Переговоры с крымцами, вновь возглавленными послом Мустафой-мурзой, снова вели Волконский и Романчуков⁴⁷. Кн. Григорий Константинович играл на переговорах главную роль, умело парируя претензии крымской стороны уже на присылку двойной казны «в компенсацию» утраченной при погроме запорожцами посольства Хрущева и Бредихина. Он доказывал, что все договорные акты между Москвой и Крымом в принципе не содержали обязательств по выплатам и предлагал крымцам ознакомиться с текстом привезенной им в 1615 г. «шертной грамоты»⁴⁸. Достигнуть соглашения о проведении нового посольского размена Волконскому и Романчукову не удалось, однако жесткую позицию русской стороны крымские дипломаты приняли к сведению. В декабре 1619 г. после очередных переговоров с крымцами, состоявшимися в связи с приездом гонцов во главе с Аллаш Богатыром, соглашение о посольском размене без увеличения размера отправляемой «казны» было наконец достигнуто. При этом русская сторона восстанавливала институт «разменных» послов. Первым таким послом вполне предсказуемо назначили Волконского, о чем крымского хана известили грамотой Михаила Федоровича, отправленной в декабре 1619 г. со служилым татаринном Богданом Исенчуриным⁴⁹.

Обозначившееся к осени 1619 г. закрепление особой роли Волконского в осуществлении русско-крымских «ссылок» несомненно связано с усилением его влияния в составе Государева двора после возвращения патриарха Филарета. Важной вехой для кн. Григория Константиновича стало его участие вместе с кн. Д. М. Пожарским во встрече Филарета в Можайске⁵⁰. Филарет привлек Волконского к переговорам с крымцами в октябре 1619 г. для того, чтобы взять под контроль весь ход русско-крымских «ссылок». Не случайно 3 октября 1619 г. Волконский и Романчуков во время переговоров с вновь прибывшими крымскими гонцами и уже находящимися

⁴⁷ Там же. Д. 6. Л. 19–55.

⁴⁸ Там же. Л. 44.

⁴⁹ Там же. Д. 9. Л. 11. — Волконскому в качестве второго посла придавался дьяк Иван Михайлов.

⁵⁰ ДР. Т. 1. Стб. 395.

в Москве крымскими послами потребовали представления имевшихся у них грамот, с содержанием которых следовало ознакомить патриарха, причем это следовало сделать по его прямому распоряжению и до аудиенции у государя⁵¹.

Как убедительно показал А. П. Павлов, Волконский продолжал оставаться влиятельным человеком при дворе вплоть до своей кончины в марте 1634 г.⁵² Наряду с руководством ряда приказов и участием в различного рода придворных церемониях, он продолжал участвовать в дипломатических «ссылках» с Крымом. После отъезда крымских послов и гонцов вместе с новым русским посольством Волконский весной 1620 г. упомянут в разрядах как первый «разменный» посол «на Валуйки» при следовании в Крым посольства Прокофия Семеновича Воейкова и подьячего Семена Мачина, сменивших посла А. И. Лодыженского⁵³. Посольский размен на реке Ураевой под Валуйками состоялся в апреле 1620 г. В ходе переговоров Волконского с крымским «разменным» послом, братом скончавшегося к тому времени Ахмед-паши Ибрагимом-пашой Яшлавским («князем Сулешевым») при активном участии Лодыженского удалось решить наиболее острые вопросы русско-крымских отношений, прежде всего относящиеся к русским выплатам в Крым⁵⁴. Это был крупный успех московской дипломатии, сумевшей сохранить до времени союзнический характер отношений с Крымом.

В марте 1625 г. кн. Григорий Константинович вновь был первым «разменным» послом «на Валуйки» при отправлении посольства Дмитрия Федоровича Скуратова и подьячего Никиты Постникова⁵⁵.

⁵¹ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1619 г. Д. 6. Л. 29.

⁵² Павлов А. П. Думные и комнатные люди царя Михаила Романова ... Т. 1. С. 329–330.

⁵³ ДР. Т. 1. Стб. 433.

⁵⁴ Волконский вел предварительные переговоры с крымским «разменным» послом беком Ибрагим-пашой Яшлавским («князем Сулешевым») при участии А. И. Лодыженского 7 апреля; официальные переговоры в присутствии всех крымских «разменных послов» 9 апреля; вечером того же дня беседовал с Ахмед-пашой один на один; 11 апреля контролировал переход через реку русских и крымских посольств, а затем опять вел «прощальные переговоры» с Ахмед-пашой (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1620 г. Д. 3. Л. 1–60 (статейный список кн. Г. К. Волконского и И. Михайлова); Д. 2. Л. 133–142 (грамота кн. Г. К. Волконского и И. Михайлова в Посольский приказ на имя государя)).

⁵⁵ Книга «посольских приемов» 7132–7143 гг. // Петров К. В. Делопроизводство Разрядного приказа XVI–XVII веков в официальных и частных рукописях: исследования и материалы. М., 2018. С. 288.

20 ноября 1633 г. он снова получил назначение первым «разменным» послом для совершения посольского размена под Ельцом⁵⁶. Наконец, 2 марта 1634 г. Волконский в третий раз стал первым «разменным» послом «на Валуйки»⁵⁷. В Валуйках кн. Григорий Константинович и скончался⁵⁸.

Волконский, несомненно, являлся крупной фигурой на дипломатическом поприще, но до 1619 г. у него имелся конкурент, с которым из-за старых местнических споров у него были непростые отношения. В церемониальной части приема крымских гонцов и послов с 1614 г. из состава лиц Государева двора явно доминировал окольничий Артемий Васильевич Измайлов, задействованный практически во всех аудиенциях крымских дипломатов у государя (это, вероятно, объяснялось его участием в переговорах с крымцами в 1609 г.). Следует отметить, что Измайлова в первые годы правления Михаила Федоровича активно привлекали к посольским делам; в конце августа 1615 г. он получил важное назначение на съезд с послами Речи Посполитой под Смоленском — третьим послом при кн. И. М. Воротынском⁵⁹.

Измайлов являл на аудиенциях у государя послов и гонцов во главе с Мустафой-мурзой 18 сентября 1614 г.⁶⁰, гонцов во главе с Усейн-имеддешем 18 августа 1615 г.⁶¹, послов во главе с Булатуланом 19 августа 1615 г.⁶², послов во главе с Магмет-агой 10 ноября 1616 г.⁶³, гонцов во главе с Апсамет-халифой и послов во главе с Магмет-агой 11 марта 1617 г.⁶⁴, гонцов во главе с Ибрагимом-мурзой 28 июля 1618 г.⁶⁵

В ряде случаев Измайлов выполнял на аудиенциях крымских дипломатов и другие функции. 11 марта 1617 г. он являл государю

⁵⁶ Записные книги Московского стола 1633–1634 гг. // РИБ. СПб., 1884. Т. 9. Стб. 537.

⁵⁷ ДР. СПб., 1851. Т. 2. Стб. 366.

⁵⁸ Там же. Стб. 367.

⁵⁹ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 30. Л. 1–1 об. ; ДР. Т. 1. Стб. 187 ; Книги разрядные ... Т. 1. Стб. 98.

⁶⁰ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1614 г. Д. 5. Л. 55.

⁶¹ Там же. 1615 г. Д. 6. Л. 14.

⁶² Там же. Д. 7. Л. 20.

⁶³ Там же. 1616 г. Д. 4. Л. 144.

⁶⁴ Там же. 1617 г. Д. 1. Л. 59, 61.

⁶⁵ Там же. 1618 г. Д. 3. Л. 61.

привезенные крымские «поминки»⁶⁶. Артемия Васильевича вообще активно привлекали тогда к церемониальной части приема иностранных дипломатов, причем как на «западном», так и на «восточном» направлениях. 13 августа 1615 г. он являл персидского посла Булат-бека на аудиенции у государя и тогда же явил персидские «поминки»⁶⁷. В июне-июле 1617 г. он неоднократно являл на аудиенциях у государя английского посла Дж. Меррика, приглашал его на пиры, данные в честь англичанина, и сам постоянно на них присутствовал⁶⁸. Интересно, что при приемах Булат-бека и Дж. Меррика Измайлов вновь «конкурировал» с кн. Волконским, также задействованным в церемониальной части этих мероприятий⁶⁹. Вершиной дипломатической деятельности Измайлова на исходе Смуты стало его участие в тяжелейших переговорах 1618 г. о заключении перемирия с Речью Посполитой (в роли третьего русского посла с боярином Ф. И. Шереметевым)⁷⁰. После заключения перемирия Измайлов вновь получил назначение (и снова третьим послом) на переговоры о возвращении русских пленных во главе с патриархом Филаретом⁷¹. Но данное назначение явилось и концом его дипломатической деятельности в тот период. После возвращения Филарета роль Измайлова в дипломатических делах на долгое время сошло на нет. Как констатирует А. П. Павлов, «в годы правления Филарета он ни разу не привлекался к участию в переговорах с иностранными послами, хотя ранее, до приезда Филарета, он активно участвовал в дипломатических переговорах»⁷². Правда, в 1624 г. дважды состоялось назначение Измайлова разменным

⁶⁶ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1617 г. Д. 1. Л. 59.

⁶⁷ Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией / изд. под ред. Н. И. Веселовского. СПб., 1892. Т. 2. С. 415, 417.

⁶⁸ ДР. Т. 1. Стб. 281–283; Посольская книга по связям России с Англией ... С. 116, 242, 247.

⁶⁹ Кн. Г. К. Волконский являл английского посла Дж. Меррика на аудиенциях у государя 14, 15 и 20 апреля 1616 г. (ДР. Т. 1. Стб. 219, 221, 225); в апреле того же года являл также персидского посла Булат-бека (Памятники дипломатических и торговых сношений ... Т. 2. С. 420).

⁷⁰ Последовательно получал в 1618 г. назначение послом на переговоры с сопровождающими королевича комиссарами Речи Посполитой 5 марта (ДР. Т. 1. Стб. 314), в сентябре (Там же. Стб. 367) и 21 октября (Там же. Стб. 373).

⁷¹ Там же. Стб. 387.

⁷² Павлов А. П. Думные и комнатные люди царя Михаила Романова ... Т. 1. С. 340.

послом под Валуйки. Посольский размен переносился из-за политической нестабильности в Крыму и осуществился только в конце года⁷³. В марте 1625 г. следующий посольский размен поручили осуществить уже кн. Г. К. Волконскому. Последним дипломатическим поручением Измайлова стало назначение 13 августа 1630 г. первым «разменным» послом под Валуйки при посольстве П. С. Восейкова и подьячего С. Зверева⁷⁴. Эту трудную миссию он смог осуществить только поздней осенью 1630 г. В последующие годы первым «разменным» послом под Валуйки опять назначали кн. Г. К. Волконского.

Таким образом, из числа окольничих, задействованных в осуществлении русско-крымских «ссылок» на завершающем этапе Смуты (до возвращения патриарха Филарета на родину), можно выделить трех лиц, из которых особая роль, сохранившаяся и в дальнейшем, принадлежала только кн. Г. К. Волконскому.

Дворяне по московскому списку. Посланники⁷⁵ в Крым после 1613 г. по традиции назначались из числа дворян по московскому списку, несших «основную нагрузку» при осуществлении русско-крымских «ссылок». Первым дипломатическим представителем, направленным в Крым в ранге посланника в мае 1613 г., стал Абрисим Иванович Лодыженский. Он принадлежал к семье, имевшей большие, хотя и неоднозначные заслуги на административном и дипломатическом поприще (в том числе и в «ссылках» с Крымом). Абрисим Иванович был племянником Леонтия Давыдовича Лодыженского, участвовавшего в качестве стрелецкого головы в посольском съезде и размене под Ливнами в 1593 г. и осуществившего успешное посольство в Крым в 1598 г. Посольство А. И. Лодыженского также завершилось успехом: он добился согласия крымской стороны на проведение посольского съезда и размена под Ливнами с заключением предварительного русско-крымского договора⁷⁶. В подготовке и проведении этого мероприятия Абрисим

⁷³ ДР. Т. 1. Стб. 660; Книга «посольских приемов» 7132–7143. С. 287–288.

⁷⁴ ДР. СПб., 1851. Т. 2. Стб. 160; Книга «посольских приемов» 7132–7143. С. 355.

⁷⁵ В русской посольской документации по связям с Крымом этого периода послы именовались посланниками.

⁷⁶ Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами ... С. 83; *Сергеев А. А.* Посольство Амвросия Лодыженского и подьячего Петра Данилова в Крым в 1613 году (к 300-летию юбилею царствующего Дома Романовых) // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь, 1913. № 50. С. 7–19.

Иванович действовал в тесном сотрудничестве с кн. Г. К. Волконским, сменившим его в Крыму, и кн. Г. П. Ромодановским. До 1613 г. Лодыженский уже входил в состав Государева двора в чине дворянина по московскому списку⁷⁷. После возвращения из Крыма его статус не изменился⁷⁸. (Отмечу, что кн. Г. К. Волконский также пребывал до своего пожалования в окольничие в чине дворянина по московскому списку). Второе назначение послом в Крым Абросим Иванович получил в апреле 1617 г. Эта была сложная миссия, совпавшая с исключительно тяжелым периодом в многолетнем противостоянии Российского государства и Речи Посполитой.

Третьим по счету с 1613 г. посланником в Крым назначили в апреле 1615 г. Исаака Ивановича Спешнева⁷⁹, получившего чин дворянина по московскому списку, вероятно, после 1613 г.⁸⁰ Посольство Спешнева и приданного ему в качестве второго посла подьячего Богдана Нестерова впервые разменивалось с новым крымским посольством под Валуйками. Размен происходил в напряженной обстановке, вызванной отсутствием «разменного жалования» крымским мурзам, сопровождавшим посольство кн. Г. К. Волконского. Не имевший дипломатического опыта, Спешнев, тем не менее, успешно исполнил миссию. Конец его пребывания в Крыму ознаменовался очередным конфликтом из-за нежелания Москвы проводить посольский размен с выплатой «разменного жалования». В результате Спешнева не отпускали из Крыма до прибытия туда в апреле 1616 г. нового русского посольства⁸¹.

Спешнева в качестве посланника в Крым сменил Федор Иванович Челюскин, имевший, как и А. И. Лодыженский и кн. Г. К. Волконский, еще до 1613 г. чин дворянина по московскому списку⁸². Этот чин он сохранил и после 1613 г.⁸³ Выбор Федора Ивановича, возможно, объяснялся тем, что весной 1602 г. он участвовал в подготовке

⁷⁷ В Боярском списке 1610–1611 гг. в перечне дворян числится без помет (*Лихачев Н. П.* Боярский список 1611 года. С. 21).

⁷⁸ Значится в Боярской книге 1615 г. (АМГ. СПб., 1890. Т. 1. С. 164).

⁷⁹ *Лисейцев Д. В.* Посольский приказ в эпоху Смуты. [Ч. 2]. С. 336.

⁸⁰ Значится в Боярской книге 1615 г. (АМГ. Т. 1. С. 144).

⁸¹ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1615 г. Д. 9. Л. 53.

⁸² В Боярском списке 1610–1611 гг. в перечне дворян числится с пометой «на Коломне» (*Лихачев Н. П.* Боярский список 1611 года. С. 17).

⁸³ Значится в Боярской книге 1615 г. (АМГ. Т. 1. С. 145).

посольского съезда и размена под Царевым-Борисовым⁸⁴. Посольство Челюскина и дьяка П. Данилова, находившееся в Крыму с апреля 1616 по июнь 1617 г., протекало в трудных условиях: Порта вовлекла Крым в войну с Сефевидами, что привело к спаду военной активности ханства против Речи Посполитой. К тому же Челюскин прибыл в Крым после срыва Москвой посольского размена, приведшего к возникновению трудностей в отношениях с кланом Яшлавских.

Челюскина вновь сменил А. И. Лодыженский, отправленный в Крым в конце апреля 1617 г.⁸⁵ Его повторное назначение, очевидно, было вызвано необходимостью придать «новый импульс» дипломатическим контактам с Бахчисараем в условиях складывающейся общей неблагоприятной военно-политической обстановки в продолжающемся противостоянии с Речью Посполитой. Лодыженскому удалось в конце июня 1617 г. быстро провести посольский размен под Валуйками с Челюскиным, избегнув открытого конфликта с мурзами Яшлавскими⁸⁶. Пребывание Лодыженского в Крыму сопровождалось серьезными трудностями в переговорах с заменившим убившего на персидский фронт хана Джанибек-Гирея его калгой (наследником престола) Девлет-Гиреем. Свой отпечаток на переговоры накладывали угроза со стороны претендента на крымский престол Шагин-Гирея и череда дворцовых переворотов в Стамбуле, вызвавших неопределенность в политике Порты. Тем не менее, Лодыженскому удалось сохранить антипольский вектор политики ханства, следствием чего явилось возобновление нападений крымцев на Речь Посполитую в августе 1618 г. — в момент наибольшей угрозы с ее стороны Москве.

Обстоятельства сложились так, что свою миссию Лодыженскому удалось завершить только в 1620 г. Его отпустили на родину вместе со вторым посланником подьячим Р. Болдаревым в начале августа 1618 г., однако при подходе к Валуйкам получил сведения о погроме запорожцами в Ельце посольства Хрущева и Бредихина вместе с отпускаемым крымским посольством. Лодыженский довел эти

⁸⁴ Был послан из Царева-Борисова «для вестей» навстречу крымскому посольству (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1601 г. Д. 2. Л. 49–52).

⁸⁵ *Лисейцев Д. В.* Посольский приказ в эпоху Смуты. [Ч. 2]. С. 339.

⁸⁶ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1617 г. Д. 4. Л. 1–2.

сведения до сопровождавших его мурз Яшлавских и вместе с ними принял согласованное решение о возвращении в Крым, в то время как Болдырев продолжил путь к Москве⁸⁷. С осени 1618 по весну 1620 г. Абросим Иванович оставался в Крыму единственным посланником. В апреле 1620 г. он принял участие в посольском размене с крымцами на реке Ураевой под Валулками, после чего, наконец, вернулся в Москву. В ходе исполнения своих миссий Лодыженский продемонстрировал высокий уровень компетентности и профессионализма, что предопределило его дальнейшее участие в осуществлении внешнеполитической деятельности именно на «восточном» направлении. В дальнейшем он, занимая видное положение в составе Государева двора (по-прежнему в чине дворянина по московскому списку), принимал участие в приеме османского посольства Ф. Кантакузина в декабре 1627 — марте 1628 г.⁸⁸ и подготавливал в качестве воеводы в Валулках посольский размен с Крымом в 1626 г.⁸⁹

Последнее до заключения Деулинского перемирия назначение посланника в Крым — Степана Лукьяновича Хрущева в июне 1618 г. — являлось, возможно, случайным. Для Хрущева (ему предстояло сменить Лодыженского) это назначение имело важные последствия и самым непосредственным образом повлияло на его дальнейшую карьеру. Хрущев, судя по всему, при назначении не являлся дворянином по московскому списку. В Боярской книге 1615 г. он не упоминается. В Осадном списке 1618 г., опубликованным А. П. Павловым и Ю. В. Анхимюком, Хрущев как московский дворянин не числится, а значится без указания чина (за исключением позднейшего пожалования в постельничие)⁹⁰.

⁸⁷ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1617 г. Д. 4. Л. 45–47.

⁸⁸ Книга «посольских приемов» 7132–7143 гг. С. 321–327. — А. И. Лодыженский привлекался также к приему датских и шведских посольств (Там же. С. 365–369, 371–372).

⁸⁹ ДР. Т. 1. Стб. 834.

⁹⁰ В Приложении III («Сравнение осадного списка 1618 г. с данными писцовых книг и книг Печатного приказа») значится без указания чина (Осадный список 1618 г. / сост.: Ю. В. Анхимюк, А. П. Павлов. М. ; Варшава, 2009. С. 366. (Памятники истории Восточной Европы : источники XV–XVII вв. ; т. 8)). В приложении II («Список вотчинников, пожалованных за московское осадное сидение “в королевичев приход”, по данным писцовых книг и книг Печатного приказа»)

Посольство Хрущева и Бредихина, выехавшее из Москвы в середине июня 1618 г., должно было следовать на Валуйки через Ливны. После известия о взятии Ливен запорожцами Сагайдачного, полученного послами в Лебедяни, они двинулись на Елец. Через несколько дней после прибытия посольства в этот город его захватили запорожцы (вместе с отпускаемым крымским посольством и всей собранной в Крым «государевой посылкой»). Сам Степан Лукьянович попал вместе с Бредихиным в плен. В «Новом летописце» пленение посольства отнесено к числу важных событий времени «королевичева прихода»⁹¹. В октябре 1618 г. после прихода войска Сагайдачного под Москву русских посланников, как и их крымских коллег, запорожцы передали сопровождавшим королевича Владислава польско-литовским комиссарам.

В «Новом летописце» говорится, что русских и крымских послов выменяли под Москвой, вероятно, уже после заключения Деулинского перемирия⁹². Достойное поведение московских дипломатов, подвергшихся пыткам сначала в таборе запорожцев, а затем в лагере королевича, оценили по достоинству⁹³. Хрущева пожаловали вотчинами в Тульском уезде. В списке лиц, получивших в Смуту выслуженные вотчины, указано, что он получил вотчину «за литовское полонное терпение, как в прошлом во 126 году взял ево в полон Саадачный на Ельце, как он, Степан, послан был на государеву службу в Крым послом»⁹⁴. При Филарете Хрущев делал успешную карьеру в чине дворянина по московскому списку, получая видные назначения воеводой по «украинному разряду»⁹⁵. 11 или 12 февраля 1626 г. он получил чин постельничего⁹⁶. А. П. Павлов считает Хрущева «человеком близким к Филарету»⁹⁷. Доброжелательное

отмечено пожалование не только «за его прежние службы и за полон», но и «для нынешнего чину, что ему велено быть в постельничих» (Там же. С. 193).

⁹¹ Новый летописец. С. 144.

⁹² Там же.

⁹³ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1618 г. Д. 4. Л. 49–51.

⁹⁴ Осадный список 1618 г. Приложение V. С. 519.

⁹⁵ ДР. Т. 1. Стб. 584, 883.

⁹⁶ Согласно Дворцовым разрядам 11 февраля (ДР. Т. 1. Стб. 973). В «Подлинном» боярском списке 1627/28 г. помета: «136-го февраля в 12 день государь велел быть в постельничих» («Подлинные» боярские списки 1626–1633 годов : сборник документов / сост.: Е. Н. Горбатов. М., 2015. С. 136). Сохранял этот пост до 1634 г.

⁹⁷ Павлов А. П. Думные и комнатные люди царя Михаила Романова ... Т. 1. С. 279.

отношение патриарха к Степану Лукьяновичу, возможно, объясняется тем, что ему стали известны подробности пребывания посла в лагере королевича Владислава, где он подвергся «допросу с пристрастием» со стороны литовского канцлера Льва Сапеги, к которому патриарх имел личную неприязнь со времен плена в Речи Посполитой⁹⁸.

Хрущев и Лодыженский (не считая кн. Волконского) стали единственными из отправленных с 1613 г. посланников в Крым, чьи миссии (даже неисполненная, как у Хрущева) повлекли за собой карьерный рост участников. В случае с Челюскиным и Спешневым дело обстояло иначе. В отношении последнего негативную роль сыграл его конфликт со вторым послом — подьячим Богданом Нестеровым, вернувшимся раньше положенного отпуска — в феврале 1616 г. Нестеров «оговорил» коллегу, обвинив его в намеренном срыве переговоров с мурзами Яшлавскими, из-за чего произошел срыв посольского размена под Валуйками. Челюскин избежал явной опалы, но сведения о его дальнейшей службе практически отсутствуют.

Приказная бюрократия. С возобновлением деятельности Посольского приказа вся организационная работа по налаживанию регулярных дипломатических контактов Московского государства, в том числе и с Крымом, легла на посольского дьяка Петра Алексеевича Третьякова. Этот человек, как и большинство приказных бюрократов эпохи Смуты, получил весьма неоднозначную оценку и в источниках, и в историографии. Его биография, рассмотренная в работах Д. В. Лисейцева, А. П. Павлова и Н. М. Рогожина, в настоящее время хорошо известна. Получив дипломатический опыт, участвуя в посольстве А. Власьева в Данию, он в начале царствования Василия Шуйского стал первым подьячим Посольского приказа. Третьяков, несомненно, являлся знающим руководителем дипломатической службы и опытным бюрократом, что обеспечило ему «непотопляемость» при многочисленных переходах: в 1608 г. — к Лжедмитрию II, в августе 1610 г. — на сторону «Семибоярщины», через год — в лагерь Первого Ополчения, затем обратно в Москву на сторону оккупационного режима. В ноябре 1612 г. после капитуляции польско-литовского гарнизона Третьяков возглавил

⁹⁸ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1618 г. Д. 4. Л. 51.

Посольский приказ при «Совете всей земли» и оставался на этом посту до кончины в июне 1618 г. 13 июня 1613 г. его пожаловали чином думного дьяка.

В отечественной историографии в целом сложилось единое мнение о том, почему Третьяков столь уверенно инкорпорировался в правящие верхи Российского государства. А. П. Павлов, называя Третьякова «одной из наиболее ярких фигур в приказной среде Смутного времени», отметил, что несмотря на переход на сторону «Семибоярщины», он в дальнейшем «пользовался доверием правительства Трубецкого и Пожарского». Возвышение Третьякова Павлов рассматривает в общем контексте привлечения на службу правительством царя Михаила Федоровича «видных представителей приказной “бюрократии” Смутного времени независимо от их политического прошлого»⁹⁹.

Общепризнано, что Третьяков фактически руководил внешней политикой Российского государства. Д. В. Лисейцев считает его «вполне самостоятельным руководителем дипломатического ведомства», обладавшим высокой квалификацией, и полагает, что результаты деятельности Третьякова «в целом следует рассматривать положительно»¹⁰⁰. А. П. Павлов указывает, что «по свидетельствам современников П. А. Третьяков являлся одним из столпов правительства Салтыковых начала царствования Михаила Федоровича»¹⁰¹.

Вместе с тем следует отметить, что вскоре после кончины Третьякова его деятельность на посту руководителя Посольского приказа стала подвергаться критике. Разбор подобных негативных оценок, произведенный А. П. Павловым, показал, что в отношении контактов со Швецией они имеют «определенную подоплеку» и в значительной степени тенденциозны¹⁰². Что же касается обвинений в провале переговоров посольства кн. И. М. Воротынского с польско-литовской стороной осенью 1615 г., то ответственность за него, по моему мнению, лежит в основном на самих русских послках. Нельзя отрицать, что в Посольском приказе ошибались в оценке возможностей имперского посредничества и степени готовности польско-

⁹⁹ Павлов А. П. Думные и комнатные люди царя Михаила Романова ... Т. 1. С. 205.

¹⁰⁰ Лисейцев Д. В. Посольский приказ в эпоху Смуты. [Ч. 1]. С. 116.

¹⁰¹ Павлов А. П. Думные и комнатные люди царя Михаила Романова ... Т. 1. С. 206.

¹⁰² Там же. С. 207.

литовской стороны к компромиссу¹⁰³. Также Третьяков, по-видимому, не предвидел жесткой реакции Речи Посполитой на угрозу заключения союза Москвы с Крымом.

При рассмотрении дипломатической деятельности Третьякова для нас имеет значение прежде всего уровень его квалификации на «крымском направлении». Материалы переговоров Третьякова с крымскими дипломатами в Москве показывают, что она была достаточно высокой. Прежде всего Третьяков стремился найти компромисс по вопросу о крымских требованиях выплаты «казны». Источники свидетельствуют, что деятельность Третьякова на «крымском направлении» была весьма напряженной. В 1614 г. он обеспечивал деловую и церемониальную часть приема первого крымского посольства во главе с Мустафой-мурзой, прибывшего в Москву после посольского съезда и размена под Ливнами: 18 сентября вел с послами переговоры в Посольском приказе перед их аудиенцией у государя, на аудиенции принимал у послов грамоты и являл им «государево жалование»¹⁰⁴; 8 октября докладывал государю о желании крымских послов получить аудиенцию; 9 октября перед аудиенцией вел переговоры с крымцами в Посольском приказе¹⁰⁵.

В 1615 г. Третьяков обеспечивал деловую и церемониальную часть приема крымских дипломатов, связанную с посольским разменом под Валуйками: 25 и 28 июня вел в Посольском приказе переговоры с крымскими гонцами во главе с Исмаил-агой¹⁰⁶; 28 июня на приеме Исмаил-аги и других гонцов у государя являл крымцам «государево жалование» и читал «речь» от имени государя¹⁰⁷. В августе Третьяков практически одновременно обеспечивал прием крымских гонцов во главе с Усейном-имелдешем, посланных Ахмед-пашой Яшлавским после проведения посольского размена под Валуйками, и вновь прибывшего крымского посольства Белекулана: 17 и 18 августа вел переговоры с Усейном-имелдешем

¹⁰³ Виноградов А. В. К вопросу о месте «Смуты» в военно-дипломатической конфронтации Русского государства и Речи Посполитой XVI–XVII столетий // Смутное время: итоги и уроки : материалы III Всероссийской научной конференции, п. Палех, 22 апреля 2016 года. Иваново, 2016. С. 54–58.

¹⁰⁴ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1614 г. Д. 5. Л. 45, 56, 57.

¹⁰⁵ Там же. Л. 96.

¹⁰⁶ Там же. 1615 г. Д. 4. Л. 19–28, 65.

¹⁰⁷ Там же. Л. 69–71.

в Посольском приказе¹⁰⁸; 18 августа на аудиенции гонцов у государя принимал у них послания, являл «государево жалование», произносил речь от имени государя¹⁰⁹; 19 августа вел переговоры в Посольском приказе с послом Белек-уланом и в тот же день проводил всю церемониальную часть его приема у государя¹¹⁰. В октябре Третьяков вел переговоры с гонцами во главе с Ислам-агой в Посольском приказе и обеспечивал всю церемониальную часть их приема с явлением «государева жалования» и произнесением речи на аудиенции¹¹¹.

В июле 1616 г. Третьяков вел напряженные переговоры с вновь прибывшим послом Магмет-агой и организовывал всю церемониальную часть его приема у государя¹¹². Переговоры с Магмет-агой в связи с прибытием очередных крымских гонцов Третьяков вел также в ноябре 1616 г. и в январе 1617 г. В период «королевичева прихода» ему пришлось вести особенно сложные переговоры с крымскими дипломатами. 24 февраля 1618 г. накануне аудиенции у государя он в присутствии послов во главе с Шебан-агой вел переговоры с вновь прибывшими гонцами во главе с Рамазаном Мустафой¹¹³. 2 апреля 1618 г. он вновь вел переговоры с крымскими послами во главе с Шебан-агой. Последнее участие Третьякова в переговорах на посту посольского дьяка относится именно к «ссылкам» с Крымом: 1 мая 1618 г. он вместе с Саввой Романчуковым провел заключительные переговоры с отпускаемыми крымскими послами и гонцами во главе с Шебан-агой, однако на аудиенции послам у государя, данной в тот же день, уже не присутствовал (его заменил Романчуков)¹¹⁴.

Удачным в целом следует признать и выбор Третьяковым лиц, поставленных во главе дипломатических миссий, направленных в Крым и в Османскую империю. Координация действий между главами дипломатических миссий в Бахчисарае и в Стамбуле была наиболее эффективной именно в период руководства Третьякова

¹⁰⁸ Там же. Д. 6. Л. 2–10, 11–13.

¹⁰⁹ Там же. Л. 15–16.

¹¹⁰ Там же. Л. 17–19.

¹¹¹ Там же. Д. 7. Л. 4, 8–9, 12.

¹¹² Там же. 1616 г. Д. 4. Л. 1–7, 65–95, 101–121.

¹¹³ Там же. 1617 г. Д. 7. Л. 41–61.

¹¹⁴ *Лисейцев Д. В.* Посольский приказ в эпоху Смуты. [Ч. 1]. С. 117.

Посольским приказом¹¹⁵. Это не случайно, ведь именно Крымское ханство Петр Алексеевич считал основным внешнеполитическим партнером Московского государства. В то же время на других направлениях, прежде всего польско-литовском, действия российской дипломатии координировались слабее, что проявилось при подготовке русской делегации на посольский съезд с Речью Посполитой под Смоленском.

Савва Романчуков, являвшийся вторым посольским дьяком при Третьякове, продолжил его линию по поддержанию русско-крымских дипломатических связей. Вскоре после снятия осады Москвы и заключения перемирия он приступил к восстановлению регулярных «ссылок» с Бахчисараем и начал деятельную подготовку очередного посольского размена. Преемственность дипломатической линии Романчукова в отношении Крыма была задана его совместной работой с Третьяковым на этом направлении. 24 июля 1618 г. Романчуков успешно заменил Третьякова на переговорах с вновь прибывшими крымскими гонцами во главе с Ибрагиммурзой. Романчуков полностью разделял позицию Третьякова по сохранению прежних размеров выплат в Крым и в отношении продолжения нападений крымцев на Речь Посполитую¹¹⁶. Результаты переговоров Романчуков доложил царю на заседании думы 28 июля того же года. Романчуков играл главную роль на аудиенции крымских гонцов у государя: вел предварительные переговоры с гонцами, принимал у гонцов послания государю, зачитывал речь с изложением позиции русской стороны в отношении «дружбы и любви» с крымским «царем», направленной против «общего недруга польского короля», являл «жалованье» гонцам «вместо стола»¹¹⁷.

Активные переговоры с крымцами Романчуков вел и весной 1619 г., его ведущая роль в «ссылках» с Крымом сохранялась до лета того же года. 30 июля 1619 г. переговоры с крымскими гонцами

¹¹⁵ *Виноградов А. В.* Переводчики Посольского приказа в русских посольствах в Крымское ханство на завершающем этапе Смуты // Переводчики и переводы в России конца XVI — начала XVIII столетия : материалы международной конференции, Москва, 29–30 сентября 2021 г. М., 2021. С. 26.

¹¹⁶ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1618 г. Д. 3. Л. 44.

¹¹⁷ Там же. Л. 58–66. — При этом С. Романчуков в ряде случаев именовался «посольским дьяком», правда, в дальнейшем эта его должность в данном столбце зачеркивалась.

уже единолично провел Иван Тарасьевич Грамотин, в тот же день на аудиенции у государя принимавший у крымцев послания, говоривший им речь от имени Михаила Федоровича и являвший им «государево жалование»¹¹⁸. Вероятно, это было первое самостоятельное выступление Грамотина в роли думного посольского дьяка¹¹⁹. Осенью 1619 г. Романчуков в качестве посольского дьяка при Грамотине вернулся к участию в переговорах с крымцами. 3 и 20 октября он вновь принимал в Посольском приказе вместе с окольным кн. Г. К. Волконским крымских послов и гонцов во главе с Мустафой-мурзой¹²⁰. Формально возвращение Романчукова к переговорам объяснялось отсутствием в Москве думного посольского дьяка Грамотина, находившегося с царем на богомолье¹²¹. На мой взгляд, в данном случае могла иметь место инициатива Филарета, недовольного деятельностью Грамотина на крымском направлении. Тем не менее уже в декабре 1619 г. Грамотин взял под контроль «ссылки» с Крымом и провел переговоры с прибывшими в ноябре крымскими гонцами во главе с Аллаш Богатыром. На переговорах он действовал в русле позиции, заявленной в октябре Романчуковым и Волконским¹²². Отмечу, что руководство Посольского приказа при осуществлении «ссылок» с Крымом с 1613 г. последовательно стремилось сохранить союз, направленный против Речи Посполитой, и минимизировать при этом русские выплаты в Бахчисарай.

В организации приема крымских дипломатических представителей принимал участие и Казенный приказ. 29 октября 1615 г. казначей Никифор Васильевич Траханиотов и дьяки Ждан Шипов и Булгак Милованов получили «память» о распределении жалования крымским гонцам во главе с Ислам-агой¹²³. Этим же руководителям Казенного двора предписали составить справку о «крымской посылке» в Посольский приказ накануне переговоров с вновь прибывшими крымскими гонцами в январе 1618 г.¹²⁴ 1 июня того же

¹¹⁸ Там же. 1619 г. Д. 3. Л. 25–28, 31–32.

¹¹⁹ Лисейцев Д. В. Посольский приказ в эпоху Смуты. [Ч. 1]. С. 101–102.

¹²⁰ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1619 г. Д. 8. Л. 15, 18, 21.

¹²¹ Лисейцев Д. В. Посольский приказ в эпоху Смуты. [Ч. 1]. С. 123.

¹²² РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1619 г. Д. 9. Л. 79–83.

¹²³ Там же. 1615 г. Д. 8. Л. 26.

¹²⁴ Там же. 1617 г. Д. 7. Л. 14.

года Траханиотову, Шипову и Милованову послали память о распределении «жалованья» крымским гонцам во главе с Ибрагим-мурзой¹²⁵.

Подводя итоги, отмечу, что деятельность приказной бюрократии, в первую очередь думных дьяков, входивших в состав Государева двора, на «крымском направлении» внешней политики России была достаточно эффективной. Активное участие лиц из состава Государева двора царя Михаила Федоровича в дипломатических «ссылках» с Крымом после 1613 г. объяснялось особой ролью Крымского ханства во внешней политике Московского государства на завершающем этапе Смуты. Назначение дворян по московскому списку в дипломатические миссии в Крым и привлечение окольничих к церемониальной и деловой частям приема крымских дипломатов в Москве в ряде случаев определялось не только традициями установившегося «посольского обычая», но и участием конкретного лица в «ссылках» с Крымом в период до 1613 г. Усилиями руководства Посольского приказа удалось достичь высокой эффективности дипломатических контактов Москвы и Бахчисарая даже в условиях крупномасштабных военных действий 1617–1618 гг. Это позволило и после 1618 г. придать русско-крымским отношениям характер союзных или близких к таковым.

¹²⁵ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1618 г. Д. 3. Л. 36–37.